

Столица Восточной Лин, Яньцзин. Месяц мэнцю, когда веет прохладный ветер и выпадает первая роса.

Минувшей ночью порыв осеннего ветра устлал землю иссохшими желтыми листьями, навевая тоску. После кончины покойного императора в храме Ху-го, что за городской стеной, три дня кряду не умолкало чтение сутр. Однако на престол взошел вовсе не Наследный принц, а Вэй-ван. Ввиду государственного траура церемонию восшествия на престол провели предельно скромно.

Новый император во всеуслышание объявил, что бывший Наследный принц, сраженный горем из-за смерти отца, слег с тяжелой болезнью и лишился рассудка. Его величество не скупился на похвалы, превознося сыновнюю почтительность и добродетель бывшего принца.

В народе же эти речи вызвали лишь насмешки. Убиваться до потери рассудка из-за смерти родного отца? Кого они пытаются обмануть? Впрочем, простым людям было неважно, кто именно восседает на троне — Наследный принц или Вэй-ван. Смена династий всякий раз сопровождается кровавыми распрями, а раз теперь всё прошло так гладко, никто не стал высказывать возражений.

В закускойной на углу улицы несколько человек, сбившись в кучку, перешептывались между собой.

— Эй, вы слышали? Вчера, в первый день утреннего приема, бывший Наследный принц явился во дворец с указом покойного императора!

— Что? Бывший принц вернулся? Неужели снова...

— Нет-нет, в руках у него был указ, по которому он назначается Регентом. Теперь его нужно называть Ваше Высочество!

— Три порции лапши! — крикнул торговец, ловко расставляя миски на подносе. — Ну же, господа, не обсуждайте дела императорского дома! Ешьте, пока горячая.

Мужчины, перекинувшись еще парой шуток, прикусили языки и перевели разговор на бытовые темы. Как выяснилось, любовь к сплетням присуща не только женщинам — мужчины в этом деле ничуть им не уступают.

Появление израненного бывшего принца в тронном зале, где он с указом в руках в одночасье превратился в Регента, вызвало у придворных смешанные чувства.

Никто не осмелился спросить, откуда у Регента взялись раны.

Дела императорского дома никогда не терпят досужего любопытства.

Резиденция Регента была ухоженной и изысканной: через каждые пять шагов — беседка, через десять — павильон, повсюду извилистые ручьи и неопишное изящество. У полуоткрытого окна стоял резной стол, от которого струился аромат чая. Сам Регент, о котором судачил весь город, полулежал на мягкой кушетке, укрывшись тонким одеялом. Его лицо было бледным, губы лишены красок, но даже в болезненном состоянии он выглядел поразительно утонченно. Он хмурил брови и, словно перед лицом грозного врага, смотрел на стеклянную чашу с лекарством, стоявшую рядом с фарфоровой чайной пиалой. От черного настоя исходил горький, терпкий запах.

Стоявшая рядом служанка в фиолетовом одеянии, с решительным выражением лица, невольно усмехнулась. Цин Дай негромко поторопила:

— Ваше Высочество, лекарство остынет.

Янь Су положил четыре пальца на сандаловый стол, отчего его кожа казалась еще белее и нежнее. Услышав это, он еще плотнее сжал губы, чуть подогнул пальцы и, прикрыв глаза, невозмутимо произнес:

— Если остыло, пусть стоит.

В этот момент дверь отворилась, и вошел мужчина в темно-синем дорожном костюме с черной каймой. У него были узкие глаза, губы тронула легкая улыбка, а лицо светилось открытостью. Скрестив руки на груди, он громко рассмеялся:

— Те господа, что дожидаются аудиенции, небось и не подозревают, что премудрый и доблестный Регент боится одной-единственной чаши с отваром.

Ли Шу с насмешливым блеском в глазах неспешно подошел, взял длинными пальцами стеклянную чашу и протянул ее Янь Су:

— Ваше Высочество, прошу?

Янь Су слегка опустил взгляд, черные волосы, перехваченные нефритовой заколкой, скользнули по плечу. Поколебавшись мгновение, он внезапно выхватил чашу — ни капли не пролилось — и, запрокинув голову, залпом осушил ее. Затем он так же небрежно поставил пустую емкость на стол, стер пальцем след от лекарства с уголка губ и, подняв глаза, бросил на Ли Шу короткий взгляд:

— Доволен?

Ли Шу, отвернувшись, чтобы скрыть улыбку, поклонился и достал из-за спины бумажный сверток. Растягивая слова, он произнес:

— Молочные пирожные с красной фасолью из лавки господина Гао на Западной улице. Проходил мимо и купил к чаю. Ваше Высочество не желает отведать?

Цин Дай, молчаливая служанка, едва заметно дернула уголком рта и посмотрела в окно, не желая наблюдать, как эти два старых лиса заигрывают друг с другом.

Похоже, хозяйки в резиденции Регента никогда не будет.

<http://bllate.org/book/21817/2258616>